

9 - ЯНВ 41 1

КОГДА ЗАБЫВАЮТ О ЗРИТЕЛЕ...

Почти рада хорошему — спектаклю («Свадьба в Малиновке», «На берегу Амура», «Бал-обман», «Жрица огня») театр музыкальной комедии значительно снизил качество своих постановок. Это прежде всего относится к «Сильве» — муз. Э. Балмана и «Роз-Мари» — муз. Фриша и Стотгарт. Обе постановки, особенно «Сильва», отличаются от обычных значительной музыкальностью, хору уступают им драматичности. Рукотворный театр, парадный (и внешне ослепительный) на сцене, но лишённый силы, заверяя, что театр развивается именно в музыкальных планах, тем более, что он располагает превосходным бюджетом.

В самом деле — первые спектакли «Сильвы» как будто оправдали надежды зрителя. Чувствовалась работа над постановкой, творческий огонь. Однако в дальнейшем «Сильва» стала неумолимою. Вечером, в спектаклях стало меньше жизни. Во-вторых, они почему-то резко подразделились на «справажные» и «будничные». Если в субботу или в воскресенье «Сильва» ещё напоминает премьеру, то в остальные дни — это очень серенькая и вдобавок усечённая постановка. Постепенно стал исчезать балет, который по традиции театр гордится. 3 января зритель не досчитался всех танцев, указанных в программе, кроме пыжонской пляски.

В этот вечер прижигивал Голки. Прижигивал плохо. Частые расхождения между с оркестром, особенно в тех местах, где поёт хор, не могли ускользнуть даже от невнимательного зрителя.

На обложке «Сильвы» (арт. Молодцова) все время лежал отпечаток выносливости, равнодушия. Пела актриса совершенно без огня, задора. Тот же холод сквозил и в игре арт. Морозова (Эдвин), который к тому же обладает слабым голосом. В третьем действии, в сцене старого князя Леопольда (арт. Загурский) с Бони (арт. Мурицкий), оба актера, не выдержав, расхохотались и вынуждены были отгородиться от публики. Это недопустимо даже с элементарной точки зрения актерского профессионализма. Неприятное впечатление оставил охрипший голос арт. Баина (старый боцман Фриша). И вообще спектакль оставил впечатление то, что в нем забыто по все на своем месте, что он действительно «будничней», что в нем отсутствовала в первую очередь забота о зрителе.

Большое достоинство в постановке «Роз-Мари» (спектакль 5 января). Под управлением дирижера Хинкис оркестр удовлетворительно сопровождал действие. Арт. Александрова неплохо справилась с ролью Роз-Мари, у нее слышимый голос.

Хорошо внешне и по голосу в роли Джима арт. Снегов, хотя в игре его хотелось бы больше теплоты в сценах с Роз-Мари. Прекрасное впечатление оставляет арт. Людмила в роли Ванды. Голос у ней по-прежнему отличный, но играет и танцует она очень хорошо. Попробуем подчеркнуть острый и сдержанный юмор в игре арт. Гросса (сержант), чего нельзя сказать об артисте Мурицком (Герман) в артисте Тансон (Этель). Искренне слишком развязен в движениях и монотонен в разговоре, другая много шаркает и баллажирует.

Сильная сторона спектакля — его хореографическая часть. Есть неплохие выходы балетмейстера (танец с эпитимами), но беда в том, что большая часть балета имеет очень отдаленное отношение к сюжету, а порой просто сумбурна. Таков «индейский» танец «стотом-том-том», представляющий в ярко выраженном стиле... европейских мюзик-холловых танцев! (типичная для них «цепочка» или «змейка» горла). Вообще у постановщиков не видно и малейшего стремления выжить в быту и сюжету танцев северно-американских индейцев, хотя бы позаниматься с ними по «Песне о Гайавате» Лонгфелло, хотя бы наметить характер и линии индейского танца! Ничего общего с бытом индейцев не имеет также фантастический «танец» Черного Орла и балетная фантазия в этом «выпрыжке».

В режиссерской трактовке спектакля вообще царят пестрота и смена стилей. Многие балетные номера живут самостоятельной и вставленной в спектакль без всякой нужды (танцы в атласе порпного). Актеры, хотя и пытаются изобразить индейцев, говорят, как обрусевшие немцы (лучше уж говорили бы они на чуждом русском языке!). В 3-м действии Джим зачем-то выходит на авансцену при ослепленном занавесе и интригует свою армию из 1-го действия (кстати, занавес второй выплет на украинском языке). Категорического осуждения заслуживает вставка в хорошую музыку оперетты сценария «ресторанного» фокстрота и танго, вдобавок отвратительно интригующих, с вульгарным глоссами тромбона. Если уж так нужно было блеснуть танцами, то следовало бы для них подобрать музыку более высокого качества, чем бы из тех же сценических оперетт.

Но еще большего порицания заслуживает грубая словесная откровенность, которую допускают исполнители. В оперетте появились и «жених», похожая на... «протестант», и «музыка», похожий на «подземную машину» и десятки подобных вульгарных острот. Есть среди них и такие, которые совершенно невозможно привести на страницах газеты. Не говоря уже о том, что постановщики нисколько не работают над текстом (текст сам по себе исключительно безграмотен и неряшлив, особенно стихи), они довели его до полного количества словесной шелухи, которая переходит в откровенный балаган (сцена князя Германа и др.) и только растягивает действие.

Не будем уж говорить о пресловутом мизансцене, которые упорно переходят у театра из постановки в постановку — такова, например, тема юрта, выраженная дрожанием предметов, за которые прячется перепуганный герой и т. д.

Все это свидетельствует о том, что театр музыкальной комедии в последнее время ослабил свою творческую работу. Мы вовсе не думаем этим в какой-либо мере затуплять достигнутые им успехи, его бесспорное мастерство и возможности. Но нам кажется, что театр слишком увлекся количеством премьер, которые следуют одна за другой, и, естественно, не все спектакли сумели подняться до нужного художественного уровня. Между тем, вкус и запросы нашего зрителя неизмеримо выросли, о чем театр не должен забывать ни на одну минуту.

И. ЛУГОВСКОЙ.
В. СУХИНЕНКО.